

Иванова У.А.

студент магистратуры

1 курс, факультет «Юриспруденция»

Институт права

Волгоградского государственного университета

Россия, г. Волгоград

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

***Аннотация:** В статье анализируются различные аспекты права на информацию и права на неприкосновенность частной жизни в условиях современных цифровых технологий. Раскрывается природа и содержание права на неприкосновенность частной жизни как основополагающего права человека в международном и российском праве. Обосновывается широкий подход к необходимости разработки и принятия справедливого и современного правового регулирования пределов реализации конституционного права на информацию и закрепления дополнительных гарантий на неприкосновенность частной жизни в информационном пространстве и обществе.*

***Ключевые слова:** право на информацию, право на неприкосновенность частной жизни, конфиденциальность, неприкосновенность частной жизни, цифровые технологии.*

***Annotation:** The article analyzes various aspects of the right to information and the right to privacy in the context of modern digital technologies. The nature and content of the right to privacy as a fundamental human right in international and Russian law is revealed. A broad approach to the need to develop and adopt a fair and modern legal regulation of the limits of the implementation of the*

constitutional right to information and securing additional guarantees for the inviolability of private life in the information space and society is substantiated.

Key words: right to information, right to privacy, confidentiality, privacy, digital technology.

Статья 24 Конституции России устанавливает базовые основы сбора информации о личной жизни гражданина. Часть 1 предусматривает, что любые действия с такими сведениями без его согласия не допускаются. Рассматривая обратную ситуацию, следует отметить, что сбор возможен только с согласия самого лица. Часть 2 посвящена обязанности органов публичной власти знакомить каждого с материалами и документами, затрагивающими его права и свободы, но с оговоркой – «если иное не предусмотрено законом».

Необходимо отметить, что не многие конституции предусматривают аналогичные правила. Зачастую идет общее закрепление права на неприкосновенность частной жизни с некоторыми уточнениями или закреплением отдельных гарантий. Например, ст. 18 Конституции Республики Казахстан следует таким путем: закрепление общего права (ч. 1) дополняется указанием на ряд гарантий (ч. 2) и обязанность государственных органов и их должностных лиц обеспечивать гражданам возможность знакомиться с информацией, затрагивающей их права и свободы.

Более определенное содержание ст. 22 Конституции Литовской Республики, где ч. 3 предусматривает: «Информация о частной жизни лица может собираться только на основании мотивированного решения суда и только в соответствии с законом». Часть 4 гарантирует: «Закон и суд охраняют человека от произвольного или незаконного вмешательства в его личную и семейную жизнь, посягательств на его честь и достоинство».

Статья 18 Конституции Республики Македония закрепляет: «Гарантируется надежность и тайна личных данных. Гражданам

гарантируется защита от посягательств на неприкосновенность личности и нанесения ущерба от собранной информации и обработанных данных».

Конституционные основы регулирования информационных отношений в Республике Молдова предусматривают также соответствующее специальное указание: «Право на информацию не должно наносить ущерб мерам, направленным на защиту граждан, или национальной безопасности» (ч. 3 ст. 34).

Тайна личных данных гарантируется ст. 38 Конституции Республики Словения. При этом запрещается их использование, противоречащим целям сбора. Есть также отсылка к отраслевому регулированию. Провозглашается право каждого на ознакомление с собранными персональными данными и на судебную защиту от злоупотреблений. Защите личных данных посвящена ст. 37 Конституции Республики Хорватия.

Таким образом, многие страны Восточной Европы предусмотрели в своих конституциях гарантии защиты персональных данных. Это связано с поздними сроками принятия Основных законов, когда автоматическая обработка личной информации уже стала прочно входить в практику органов государственной власти. Страны Западной Европы не пошли по пути такой детализации, рассматривая вопросы защиты через право на неприкосновенность частной жизни. Можно привести лишь некоторые примеры. Так, ст. 13 Союзной конституции Швейцарской Конфедерации наряду с закреплением права каждого на уважение его частной и семейной жизни предусматривает также право каждого на защиту от злоупотреблений его личными данными. Статья 10 Конституции Королевства Нидерландов (принята 17 февраля 1983 г.) более подробна:

«1. Каждое лицо имеет право на неприкосновенность частной жизни, за исключением случаев, которые установлены Актом парламента либо иными актами, изданными на его основе.

2. Порядок защиты права на неприкосновенность частной жизни при

сборе и распространении информации о тех или иных лицах устанавливается Актом парламента.

3. Порядок информирования о базе данных на лиц и использования такой базы данных, а также исправления информации, включенной в базу данных, устанавливается Актом парламента».

Наиболее обширна по содержанию ст. 35 Конституции Португальской Республики (от 2 апреля 1976 г.), которая посвящена использованию информатики (так определено название статьи). Она достаточно объемна и охватывает различные элементы выстраиваемых информационных отношений. Так, предусматривается право каждого знать информацию о себе, внесенную в электронные картотеки и реестры, включая цели такой систематизации. Это право включает также право на обновление информации и внесение изменений (если это не противоречит закону о государственной тайне и судебной тайне). Уже тогда (напомним, Конституция была принята в 1976 г.) закреплялась необходимость определения персональных данных и условий их автоматической обработки, а также создания независимого административного учреждения, нацеленного на их защиту. Выделен запрет разглашения некоторой информации, в частности, указывающей на философские и политические убеждения, вероисповедание, этническое происхождение. Исключение: согласие самого лица или разрешение в законе, а также анонимная обработка статистических данных. При этом должно гарантироваться отсутствие дискриминации. Введен запрет на доступ к электронным картотекам и реестрам для получения персональных данных третьих лиц (за исключением случаев, предусмотренных законом). Обратим внимание: ч. 5 ст. 35 Конституции закрепляет: «Запрещается присваивать гражданам единственный в национальном масштабе номер». Провозглашается свободный доступ к информационным сетям общественного пользования.

Прогресс информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) существенно улучшил общение и обмен информацией онлайн. Благодаря

этому упростились процессы обмена, хранение, получения информации, возможность, проведения различных переговоров и многое другое. Но вместе с этим открылась и тёмная сторона прогресса: выяснилось, что новые устройства и технологии могут быть подвержены электронному слежению и перехвату информации. Последние открытия подтвердили, с какой высокой скоростью тайно разрабатываются новые технологии, причём не только с целью защиты от подобных угроз, но и непосредственного «шпионажа».

В течении 5 лет учеными проводились множество исследований связанных с тем, как люди относятся к размещению своих персональных данных в интернете (говоря о персональных данных, имеется ввиду ФИО, адрес проживания, номера кредитных карт, расчетных счетов, переписка и т.д.). И здесь виден серьезный рост обеспокоенных граждан по поводу сохранения персональных данных. По сравнению с 2015 годом увеличился рост граждан, которые переживают по поводу сохранности личной информации в сети «Интернет».

Чаще всего людей беспокоит мошенничество и другие преступные действия использования их персональных данных во вред их обладателю, в частности оформление кредитов, разглашение личных данных. Другими словами речь идет о распространении и использовании технологий, которые обеспечивают право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну защиту своей чести и доброго имени. В практике цифровой трансформации реализуются в свободный поиск получение передачу производство и распространение информации в сочетании с конституционным запретом на сбор хранение использование и распространение информации о частной жизни. Очевидно, что реализация конституционных принципов и законов должно создавать понятную и непротиворечивую правоприменительную практику. При этом правовое регулирование таких сфер всегда вызывала и вызывает повышенный интерес и внимание и многоаспектность и самих категориях поэтому мы видим большое количество

обращений граждан судебные органы, в том числе Конституционный суд Российской Федерации.

Обратим внимание еще на один значимый момент – ст. 24 сформулирована в виде запрета, что далеко не единственный пример такого текстуального закрепления. Например, ст. 29 Конституции устанавливает запрет цензуры. Есть и иные запрещающие нормы, хотя прямо не использующее слово «запрет». Так, ст. 30 Конституции РФ предусматривает: «Никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем». Статья 6 Конституции РФ: «Гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства или права изменить его». Запреты многими учеными рассматриваются как непреодолимые барьеры. Трудно себе представить обратную ситуацию и согласиться, что запрет может быть «подправлен» федеральным законом. Конституция России специально фиксирует запрет, чтобы он не подпадал под категорию ограничений. Ограничиваться могут права и свободы, но не запреты, адресованные именно законодателю. Можно согласиться, что в 1993 г. (когда обсуждался проект Конституции) вряд ли кто предполагал, что обработка больших объемов данных достигнет таких масштабов (причем так быстро). Но запрет, закрепленный ст. 24 Конституции РФ, находится в главе II Конституции РФ (защищенной, а значит, не подлежащей изменению без переработки всего текста Основного закона).

Таким образом, сформулируем общие выводы:

1. Закрепление конституционных требований к систематизации и обработке данных о частной жизни лица – традиция, появившаяся во второй половине XX века, обусловленная возможностью автоматической обработки информации и появлением цифровых технологий. Это привело к появлению специальных норм в Основных законах стран Восточной Европы. Но и в этом случае присутствует краткость: предусматривается общий режим защиты сведений, затрагивающих частную жизнь лица; выделяются дополнительные

права граждан по осуществлению контроля своего информационного статуса; предполагается независимая система контроля за деятельностью агрегаторов личных данных. В конституциях стран Западной Европы требования к сбору, хранению, распространению персональной информации вытекают из толкования общего права на неприкосновенность частной жизни. Детализация правил осуществляется на уровне специальных отраслевых законов, о чем как раз происходит упоминание в конституционных положениях.

2. Российская Конституция предусматривает запрет на любые действия с информацией о частной жизни лица без его согласия. Такая категоричность нуждается в ограничительном толковании, хотя и сталкиваемся с определенными трудностями. В частности, ст. 46 Конституции указывает на абсолютность такого запрета, подтвержденную практикой Конституционного Суда РФ (применительно к иному праву – праву на судебную защиту). По-видимому, следует исходить из того, что информация о частной жизни лица относится к наиболее чувствительной, а значит, нуждающейся в особой защите. Особую защиту не следует отождествлять с абсолютностью запрета. Ни одно государство мира не обходится без сбора информации о гражданах, в том числе в обход их согласия. Во всех государствах отраслевое законодательство закрепляет основания такого сбора информации органами публичной власти.

3. Появление искусственного интеллекта, развитие нейросетей ставит на иной уровень вопросы защиты данных о частной жизни лица. Современные цифровые технологии позволяют с максимальной скоростью обрабатывать значительные объемы информации, связывая ее с конкретным гражданином, предоставляя при этом возможные варианты решения на полученные запросы. Все это обуславливает поиск нового баланса ценностей, в центре которого должен находиться самчеловек, его права и свободы, в том числе связанные с недопустимостью произвольного вторжения в его частную жизнь. По-видимому, потребуется создание специальных механизмов, нацеленных на

недопустимость сбора и систематизации информации о частной жизни лица. Это обуславливает проведение тщательных юридических исследований, нацеленных на обновление содержания ст. 24 Конституции России, ее предметное толкование.

Список использованной литературы:

1. Романовский Г.Б. Право на неприкосновенность частной жизни в конституциях, законе и юридической науке / Г.Б. Романовский // Гражданин и право. — 2016. —

№ 4. — С. 15–27.

2. Беляевская О.Я. Право личности на судебную защиту: проблемы классификации / О.Я. Беляевская // Конституционное и муниципальное право. — 2007. — № 11. — С. 6–11.

3. Романовский Г.Б. Конституционное право граждан на судебную защиту / Г.Б. Романовский // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2015. — Т. 3, № 1 (9). — С. 57–67. — URL: <http://esj.pnzgu.ru>. — Дата публикации: 30.03.2015.

4. Наумов В.В. Информационные инструменты в гражданском и арбитражном процессе: проблемы внедрения и критерии эффективности / В. В. Наумов // Арбитражный и гражданский процесс. — 2020. — № 7. — С. 7–12.

5. Бурков А.Л. Защита конституционного права на неприкосновенность частной жизни свидетелей административных правонарушений / А.Л. Бурков, А.В. Кудряков // Журнал конституционного правосудия. — 2014. — № 3. — С. 19–25.

6. Бачило И.Л. Важный шаг в регулировании информационных прав граждан / И.Л. Бачило // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2006. — № 11.

7. Ручкина Г.Ф. Некоторые вопросы формирования правовых условий

использования искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники / Г.Ф. Ручкина // Банковское право. — 2020. — № 5. — С. 7–19.

8. Исмаилов И.Ш. Направления внедрения технологии искусственного интеллекта в банковскую деятельность: перспективы правового регулирования / И.Ш. Исмаилов // Банковское право. — 2020. — № 5. — С. 26–32.

9. Романовская О.В. Конституционная правосубъектность граждан в условиях развития биомедицинских технологий / О.В. Романовская, А.А. Рыжова. — Москва: Проспект, 2019. — 144 с.